

Лейб Левитин
(1879-1969)

В Дорпате
(Из рукописи)

Перевод с английского
Инны Теплицкой

Прибытие (1908)

А.

Поезд быстро вырвался из темнеющего леса и продолжал свое движение через открытые поля. Было 3 часа ночи, еще не рассвело, но какой-то свет уже пробивался, позволяя различать синее и белое, собаку от овцы. Этот свет – легенда о «белых ночах», господствующих в северных странах с апреля по июль.

Через вагонное окно я видел неровный ландшафт, холмы и долины. Некоторые холмы были покрыты лесами и дикой растительностью, но большинство из них были обработанной землей – длинные полосы полей, частично зеленых со свежерастущей пшеницей, частично – еще черных. Все это напоминало полосатую ткань. Это было очевидное свидетельство тяжелого труда людей. Вся местность производила на меня интересное и приятное впечатление. Я был особенно очарован на одном из поворотов: показалось место, где горы отошли от рельсов и открылась как бы полукруглая опушка, окаймленная сосновым лесом. Лес охватывал низменность со всех трех сторон, а вдоль него протекала речка. Красивая картина. Дополняя ее, вдали виднелись два деревянных строения,

украшенных высокими заостренными крышами, напоминающими римские хижины. Эта очаровательная картина пробудила во мне чувство восхищения пополам с завистью. Я подумал: как великолепна эта прекрасная долина, и как должны быть счастливы ее обитатели! Это место, где есть все: дом, сад,

поле, лужайка, лес, речка, железная дорога... Я тоже хотел бы обосноваться в этом замечательном уголке...¹ Каждый раз, когда мне случалось проезжать на поезде это чудное место, я получал огромное удовольствие. Холмистый пейзаж продолжался около семи километров. Потом поезд двинулся по открытым пространствам, простиравшимся до горизонта. То тут, то там виднелись крестьянские хутора. В этой части страны деревень, как в России, нет.

В.

Появился семафор; поезд прошел мимо складов и других станционных строений. Наконец, он въехал в длинный туннель, над которым висела надпись: «Юрьев», т.е. Дерпт - пункт моего назначения.

Я взял свои вещи и вышел на площадь за станцией. Было около трех часов ночи, время, когда все спят, поэтому вокруг все как бы замерло. Площадь была почти пустой, за исключением длинной очереди извозчиков, стоящих в ожидании пассажиров. Они ожидали молча, каждый на облучке своей кареты, как будто они спали и не обращали внимания на нескольких пассажиров, только что сошедших с поезда. Эта сцена очень удивила меня. Я

---

¹ Спустя много лет я снова посетил те края и обнаружил, что это вовсе не такое уж счастливое место, скорее наоборот. Как говорится, «не все золото, что блестит»...

привык к совершенно другому в наших городах и в городах центральной России. Там, как только человек сойдет с поезда, его оглушают со всех сторон крики: «Пожалуйста, господин, садитесь и поехали!» или – «Ко мне, пожалуйста! Господин!» «Идите сюда, идите сюда, не садитесь к нему! Его кляча сдохнет по дороге!» «Сдохни ты и твоя лошадь!» Так они зазывали пассажира и обращались к нему с уважительными титулами: «Господин, мистер, ваше величество, ваше превосходительство», пока он не сел к нему. Как только он сел в одну из их колесниц или решал идти пешком, на его голову обрушивались насмешки и ругательства оставшихся.

Здесь все было по-другому. Я подошел к извозчику и попытался заговорить с ним. Но он не отвечал, только показал кнутом вперед. Я не понял его и стоял, чувствуя себя беспомощным. Потом ко мне подошел один из пассажиров, тоже сошедший с этого поезда и объяснил, что извозчики стоят в очереди, и надо обращаться к тому, кто стоит первым. Здесь также не торгуются о цене, надо садиться и заплатить столько-то копеек, чтобы доехать до центра города. Я поблагодарил его и сделал, как он сказал. Я попросил извозчика отвезти меня в дешевую, но чистую гостиницу. Он ответил мне на ломаном русском, что выполнит мою просьбу, и мы поехали.

С.

Станция находилась близко от города, не как в России. Там станции строятся в 2-3 километрах от города (или даже дальше), как будто строители

железной дороги стараются доставить больше неудобств жителям. Здесь городские улицы вели к станции. Первая дорога служила как бы приятным коридором, соединяющим железнодорожную станцию с городом. Коридор этот был украшен двумя аллеями, протянувшимися с обеих сторон. Мы проехали по этому бульвару на другие улицы, одни – прямые и достаточно широкие, другие – узкие и кривые. Дома тоже были разные. Большинство из них деревянные, - были как обычные строения – три этажа с широкими окнами и обычными жестяными крышами. Но рядом с ними можно было найти старые низкие одноэтажные дома с высокими остроконечными крышами и застрявшими по их бокам маленькими окнами. Эти старые постройки с их готическим стилем добавляли городу средневековой романтический флёр. По пути мы проезжали старые дома, похожие на те, что я видел в Вильне и Риге. Но там они не отличались особым великолепием. Их подвалы были превращены в лавки. Их улицы были забиты людьми и шумны, наполнены криками торговцев и извозчиков, дворы и стоки – мусором и отбросами. Особенно это относилось к Вильне. Все эти вещи скрывали прилично выглядевшие строения и лишали их их оригинальной красоты. Возможно, на меня повлияло то, что я видел их при свете дня со всем их движением, а Дерпт я в первый раз увидел в 3 часа утра, когда весь город еще спал. Улицы были пусты, вокруг не было людей, за исключением нескольких дворников, чистящих тротуары перед своими домами. Окна были занавешены, всюду была чистота, все было тихо, и все это придавало этому месту уникальный шарм.

Мы спустились по склону холма, возвышавшегося в центре города, в долину, окаймляющую его. Проехали торговый центр – квадратное строение с зеленой жестяной крышей, окруженное со всех сторон толстыми круглыми белыми столбиками. Наконец, повозка остановилась около деревянного строения с вывеской «Ливадия». Я расплатился с извозчиком, взял свои вещи и вошел в гостиницу.

Меня встретила молодая, опрятно одетая, в белом переднике, женщина и отвела в маленькую чистую комнату. На ломаном русском языке она познакомила меня с общими правилами гостиницы и ушла, не спросив даже документов.

Со свечкой в руках я осмотрел стены и постель на наличие нежелательных постояльцев, но место оказалось безупречным. Я разделся и забрался между чистыми свежими простынями, очень довольный всем. Мои первые впечатления были хорошими.

.....

Студенческая жизнь

А.

Двадцать лет прошло со времен Вересаева² до моего приезда в Дерпт. За эти 20 лет в России произошло много важных событий, которые повлияли также и на жизнь в Дерпте.

С одной стороны, введенная Александром III руссификация, которой подверглись все иностранные подданные, давала свой эффект. По его

---

² Русский писатель В. В. Вересаев учился в университете Дорпата с 1889 по 1894 год. В своих воспоминаниях он живо описал студенческую жизнь того времени. См. <http://eja.pri.ee/stories/veresayev.pdf> [М. Р.]

указанию официальный язык в университете был заменен с немецкого на русский. Сократилось число немецких профессоров, они были заменены русскими, а число русских студентов увеличилось. С усилением русского влияния укреплялась русская культура, распространившаяся даже среди местных жителей. Использование немецкого языка осталось за эстонскими и еврейскими представителями среднего класса, которые, разбогатев, карабкались вверх по социальной лестнице и думали, что разговаривать по-немецки (обычно даже неправильно) – это признак их благородства.

Другим фактором была первая русская революция. И хотя большого влияния она не имела, следы свои все же оставила. Значительно ослабела власть баронов, лежавшая тяжким грузом на плечах местного населения. Они больше не смели эксплуатировать крестьян так, как они это делали до революции, и это негативно сказалось на их экономической ситуации. Как следствие, и их избалованные дети потеряли свое превосходство и влияние, которое они оказывали на жизнь университета и города в целом. Они остались небольшим старым меньшинством среди нового большинства. Они все еще собирались в своих традиционных корпорациях и смотрели свысока на всякого, кто не принадлежал к их касте, но не смели больше оскорблять ни русских, ни даже евреев.

В.

Городские немецкие плэйбои не были больше уникальными и особенными. Их превосходство улетучилось. Но феномен корпораций остался. Игра продолжалась, но ее правила изменились, скорее, к старым правилам было добавлено много новых. Дети буржуазии, купцов, торговцев, ремесленников и даже богатых крестьян заняли место отпрысков феодалов. Они тоже стали создавать свои собственные союзы. Каждый союз устанавливал свои цвета согласно их вкусам и наклонностям, снимал квартиру и вывешивал флаг с избранными цветами.

Новые корпорации очень старались походить на старые и подражали их поведению и проказам. У них тоже были “fuxes” (новички) и “elders” (заслуженные корпоранты). Они тоже пили из одной кружки и пели подлинные корпоративные песни. Они тоже публично и шумно праздновали свои годовщины и тоже боксировали и фехтовали, несмотря на то, что к тому

времени это было бесполезно – дуэли были строго запрещены правительством, и если двое студентов из соперничающих корпораций начинали драку, они шли по стопам своих отцов, другими словами, они просто пускали в ход кулаки.

В общем следует сказать, что несмотря на усилия новых союзов походить на старые в каждой детали, похожесть эта была просто внешней. По сути они отличались уже на стадии создания. Немецкие корпоранты, дети феодалов, считали себя потомками средневековых рыцарей. Их вспоминали с большим восхищением. Их дух и характерные особенности служили примером и образцом для подражания. Сама корпорация по своей структуре и правилам представляла собой имитацию, стремящуюся увековечить рыцарский порядок. Как бы там ни было, основу и смысл этим корпорациям давали историческое развитие и их наследие.

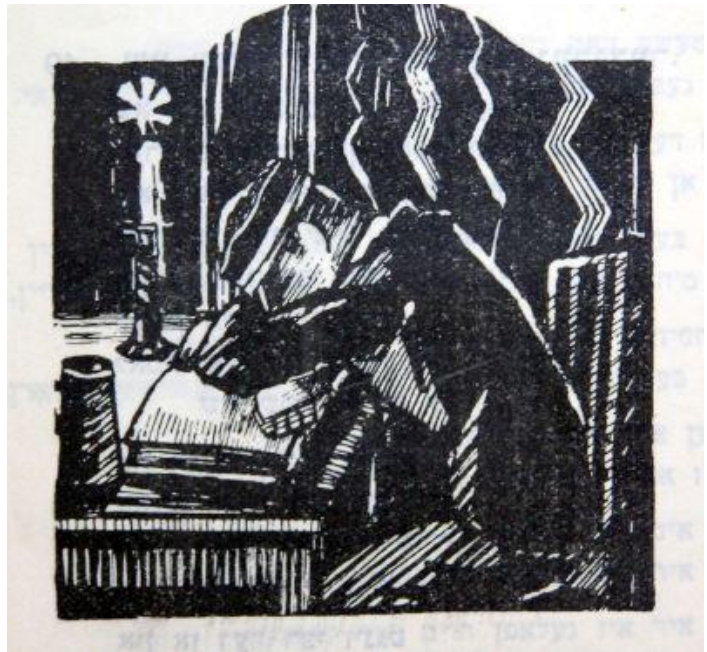
Иначе было с новыми корпорациями эстонцев (как и латышей в Латвии и литовцев в Литве). Их существование не имело смысла или исторической основы. Они были созданы не в память о былых днях или по поводу особых исторических исходных пунктов, а по двум другим причинам: первое – такова манера освобожденных рабов – подражание своим бывшим хозяевам; и второе – потому, что игра была приятной и забавной и привлекала молодые сердца. Привлекательность была действительно большой, и не только эстонцы были втянуты в игру, но и некоторые группы русских, и большинство потомков Абрахама, Исаака и Якова.

У меня мало информации относительно русских корпораций. Но я могу много рассказать о наших братьях, детях израилевых, и я думаю, стоит посвятить им специальную главу.

С.

В конце XIX века в Дерпте было два типа студентов-евреев – местные и те, кто приехал из России. Первые выросли на немецкой культуре и разговаривали на немецком идиш. Вторые были обучены в русском духе и на русском языке. Обе группы не смешивались и существовали каждая сама по себе.

Балтийские студенты-евреи создали свой союз и вели себя как корпорации, но за четырьмя стенами своих домов (евреям не было разрешено создать свою корпорацию). Все их сознание отражало жизнь немецких корпорантов: никакого интереса к политическим и социальным вопросам, никаких речей; они были полностью индифферентны даже к вопросам будущего и судьбы своего собственного народа. Их родители преуспевали, и у них была полная уверенность в том, что они легко устроятся здесь после окончания университета.

Они были бы счастливы ассимилироваться с немцами, но последние, испытывая полное презрение к евреям, отвергали их. К своему народу их притягивал не зов души, а, скорее, внешний барьер, препятствующий их ассимиляции. В глубине своих душ они сами чувствовали презрение к евреям, особенно к тем, чей внешний вид и поведение подчеркивали их национальную принадлежность.

Нередко можно было услышать из уст балтийского еврея: «Прекрати еврейские штучки!» Для балтийских евреев был типичен стыд за свое еврейство, и только когда не евреи оскробляли их, они были готовы бороться за свою честь.

Другим типом студентов были те евреи, которые приехали из черты оседлости и других городов России. Они не создавали отдельных организаций, а растворялись среди других русских студентов, т.к. были близки с ними не только по языку, но и по идеологии. Русские охотно принимали их в члены своего союза, существовавшего под названием «Общество русских студентов». В семидесятых годах наша интеллигенция все еще верила, что решение еврейской проблемы возможно путем присоединения к русским (другими словами: путем ассимиляции). Они надеялись, что это был способ избавления от прежней враждебности и презрительности и создания атмосферы любви и братства между ними, невзирая на религиозные и национальные различия.

Кризис и разочарование пришли в начале 80-х годов, когда в России возрос антисемитизм. Студенты-евреи должны были покинуть «Общество русских студентов». Так, в 1884 г. наиболее инициативные из них основали общество еврейских студентов под названием «Академическое общество изучения еврейской истории и культуры» (или «Академическое общество»). Это общество просуществовало до начала Второй мировой войны, т.е. до 1940/41 гг. и в течение долгого времени было единственным лучом света для еврейской общины Дерпта.

D.

«Академическое общество» было вне политики. Среди его членов были люди с разными политическими взглядами. Одна вещь объединяла их – искра национализма, который не умер, несмотря на тяжело нависающую над ними руссификацию. Пробудилось желание узнать больше о своем прошлом и культурном наследии.

И это произошло скорее не просто из-за чисто желания, но под влиянием извне. Интерес стал подлинным, и те, кто позже обогатились знаниями в духе «Академического общества», навсегда остались лояльными и преданными детьми своего народа.

Общество издавало ежедневные газеты и ежемесячные журналы, и со временем обзавелось солидной библиотекой, в которой можно было найти

книги по иудаике на иврите и идиш, русском и немецком языках. Некоторые из этих книг впоследствии стали раритетами.

Время от времени в обществе проводились лекции и дискуссии по разным вопросам, но серьезные темы не исключали развлечений и веселья; они пели, а иногда и напивались. Подтверждением этому служит милая популярная песенка:

נאך די רעפערראטן, איז לידער גוט צו זינגען

און נאך די הייסע דעבאטן קולטן ביר צו דרינקען

(После лекции хорошо бы попеть,
А после «горячих» дискуссий – попить холодного пива).

Они тоже праздновали свои годовщины. Они уважали еврейские праздники, устраивали Седер накануне Пейсаха, веселились на Пурим и т.д. Но все их празднования проводились, как было принято, за закрытыми дверями их домов, не публично, что было обычным для других корпораций.

Ясно, что за годы долгого существования (более 55 лет!) общество не могло оставаться неизменным и подвергалось влияниям. Во-первых, естественные изменения: те, кто оканчивал университет, уезжали, и их место занимали вновь прибывшие студенты, так что каждый цикл приносил в общество новые лица. Но это изменение происходило постепенно и не было слишком заметным, т.к. новички какое-то время проводили с ветеранами, которые знакомили их с традициями, чтобы наставить на путь истинный.

Большое влияние на еврейское общество оказывали мировые политические события. Они привлекали молодежь, и обществу было трудно

поддерживать баланс, не отдавая предпочтения ни левой, ни правой политической позиции. Хибат Цион (Любовь Сиона) и ранний социализм были скорее абстрактными идеями, чем реальным движением, своего рода сердечной склонностью. Поэтому они могли сосуществовать и ограничиваться случайными спорами. Но когда в игру вступили две новые силы – политический сионизм Герцля и революционные волнения в России – они обе требовали действий, и их призыв к действию нельзя было игнорировать, он требовал ответа: «Вы с нами, или вы с дьяволом?»

Разрыв углублялся, и общество разделилось на три секции:

а) Умеренные, предпочитающие оставаться на чисто академической платформе, аполитичные, как и раньше, Они требовали исполнения устава общества и учета мнения филистеров (кличку «филистер» получал любой член общества, закончивший обучение и переставший быть студентом. Большинство из них не теряли связи с обществом и проявляли интерес к его судьбе и делам).

б) Сионисты. Они заявляли, что сейчас, когда нация просыпается навстречу зову и идее возврата к Сиону, требующих концентрации всех возможных усилий, общество не имеет права оставаться в стороне и довольствоваться платоническим равнодушным национализмом.

в) Социалисты (которые теоретически следовали за «Бундом»). Они считали сионизм пустой галлюцинацией и бесполезным занятием. Не следует бороться за горстку людей. Надо бороться за человечество в целом. Когда социализм будет править миром, спасение придет ко всем, включая «Иуду, (который) спасется, и Израиль, (который) будет жить безопасно» (цитата из Иеремии 23.6). ... в Диаспоре.

Умеренные, которые были в большинстве, победили в дискуссии, но мир не был восстановлен, и разногласия между членами общества продолжались, как и прежде. К внутренним спорам прибавилась и внешняя неудача: в течение 1904-1905 гг. студенты организовывали много забастовок и демонстраций с требованиями политических перемен. В ответ правительство закрыло университеты на неопределенное время. Студенты разъехались в разные стороны. Члены общества тоже вернулись каждый в свой город, и общество закрылось. Только 2-3 члена из семьи Генсов в Дерпте остались на посту. Они наняли небольшую квартиру, перевезли библиотеку и следили за ее сохранностью.

Такое положение длилось больше года, пока ситуация в России не успокоилась, и жизнь потекла по-старому. Университет открыли, и студенты вернулись к своей учебе. Постепенно возвращались бывшие члены общества. Это походило на пациента, пережившего кризис болезни, к которому постепенно возвращались силы.

В таком состоянии были дела общества, когда я в 1908 г. приехал в Дерпт.³

Ф.

С этих пор общество становилось сильнее, развивалось, число его членов ежегодно возрастало и перед войной объединяло 50 человек. Среди них можно было найти людей с особенными талантами и исключительными качествами. Они, конечно, были руководителями общества и его лидерами. В целом, то поколение 1908-1914 гг. придало обществу уникальный характер и атмосферу, связанные с национализмом и интеллектом. Сущность и дела общества добавили ему значение и известность. К сожалению, я не помню имен всех замечательных членов общества тех дней, за исключением некоторых, оказавших на меня влияние. Это были братья Биховские, прекрасно знавшие историю Израиля и его литературу; один из братьев был особенно замечателен. Его лекции всегда были интересными и информативными. Другим членом общества был Эйгес, честная и тонкая душа и преданный активист. Он полностью посвятил себя нуждам общины Дерпта и был очень полезен людям в целом и школе, в частности. Когда разразилась война, его призвали в армию в качестве медика. Он заразился тифом и умер молодым. Община Дерпта основала библиотеку в память об этом замечательном человеке и дала ей его имя.

Один из членов общества по имени Пик организовал для общины Дерпта интересное дело. Пик обладал исполнительским даром и любил сцену. Каждый раз, когда в Дерпте по какому-нибудь поводу устраивали бал, Пик и его помощник Гец ставили пьесу из еврейского репертуара, т.е. по произведениям Шолом Алейхема, Абрахама Рейзина, Давида Пински,

---

³ Осенью того года я был приглашен в Дерпт на лекцию по исторической тематике (Йосиф Флавий). Лектором был Йегошуа Гольдберг из Либавы; председательствовал Вольфсон из Лодзи.

Переца Хиршбейна или др. Для этого Пик подбирал талантливых членов общины и репетировал с ними. В результате в Дерпте образовался кружок любителей театра, который продолжал работу и после отъезда Пика из города и функционировал как еврейский театр. Этот кружок рос, обновлялся, и работал до Второй мировой войны, когда народ Израиля со всем его национальным и общественным богатством был истреблен.

G.

Пик иногда и пел на сцене. У него был не очень сильный, но приятный и сердечный голос. Но главное было не в голосе или мелодии, а в содержании того, что он пел. В те дни публике очень нравились фольклорные песни (в начале XX века такие песни были обнаружены и собраны. Этим занимались Гинзбург и Марек, Ноах Пролотски и особенно Энгель и его друзья).

Интерес к фольклору охватил даже «высший свет»!, и народные песни стали модными. Этому способствовал возрастающий антисемитизм. Не прекращались запреты и преследования. Повседневными были богохульство, презрение, ложные обвинения и клевета. Время от времени случался погром, и, как это обычно бывало во все времена, когда дули сильные ветры извне, евреи искали убежища внутри себя. И даже те, кто был готов прекратить борьбу, стали поворачиваться к своему народу; страстные замыслы, которых они поднабрались на стороне, остыли и были теперь адресованы своему собственному народу, отражая его вечный свет. И многие нашли в этом утешение. Например, когда Пик пел:

אז מען צאפט פון מיר דאס בלוט ארויס,

און מען מוטשעט מיך פאמעלאך,

לאך איך מיר פון מאיינע שונאים אויס,

און גיי מיר גאר א פריילאכס...

(Когда они пьют мою кровь
И медленно пытаются меня,
Я смеюсь над моими врагами
И вырываюсь из их рук в счастливом танце).

Вся аудитория ликовала и чувствовала себя сильнее, возвращалась их надежда на лучшее будущее и поднимался их дух. А преследования? Эх!.. Это тоже пройдет, а Израиль останется навеки!

Н.

Я хотел бы упомянуть еще об одном явлении, имевшем место до Первой мировой войны. Я уже говорил о трудностях для молодежи при поступлении на учебу. Что касается средней школы - тут можно было хотя бы заниматься по школьной программе вне школы, а потом сдать экзамены. В этом препятствий не было. Но поступить в высшее учебное заведение было необыкновенно трудно. Процент евреев, кому удавалось это сделать, был жалким – 5% на 100 не евреев, а число желающих получить высшее образование, было в сто раз выше. Существовал только один способ поступить – принять христианство. Новообращенных принимали на учебу без ограничений, и некоторые не могли противостоять соблазну. Они оправдывались, заявляя, что делают это только для вида, а в своих сердцах они навсегда останутся евреями. Но большинство людей знало, что это – большая ошибка, человек обманывает и себя, и других, что сделано – не вернешь; что своим решением он наносит вред своему народу не только потерей души, но и плохим примером для других. С другой стороны, находились и защитники, заявлявшие, что эти юнцы, которых заставили пойти на такое, заслуживают жалости, сострадания и прощения. Нельзя обвинять их в совершенном по необходимости и т.д. Вокруг этого вопроса шли оживленные споры – некоторые выступали за, другие – против. Возникла проблема, - как обращаться с таким человеком: считать его предателем, не допускать в свое общество, или вынужденным новообращенцем, которого не следует отталкивать, иначе он может никогда не вернуться назад.

Этот острый вопрос был предметом обсуждения и в «Академическом обществе», лидеры которого решили обратиться за советом к выдающемуся человеку. Они пригласили поэта Саула Черниховского из Петербурга. Он принял приглашение и приехал в Дерпт. Он провел с нами три дня. Два вечера из трех он посвятил лекциям по литературе, а третий – вынужденному переходу в другую веру. Черниховский отнесся к этому полностью отрицательно. Естественно, что мнение такого известного человека, как

Черниковский, повлияло на членов общества и других молодых людей, присутствовавших в тот вечер.

I.

Не бывает тени без света, и нет худа без добра. В результате ограничений и запретов многие молодые евреи оставались вне высших школ. Но стремление к высшему образованию не исчезало. Профессора русских академических кругов хорошо знали об этом, и некоторые из них решили заполнить брешь и воспользоваться ситуацией. Они организовали частные курсы по медицине, своего рода частный колледж в Дерпте, куда без ограничений мог быть принят любой с аттестатом об окончании средней школы. Эти курсы назывались по имени их основателя профессора Ростовцева, который был также их директором и руководителем. Это заведение было делом бесприкрытым: и отдушиной для молодых еврейских учащихся, и дополнительным заработком для профессоров.

Курсы привлекли к себе многих молодых людей со всего Дерпта, стремящихся к получению высшего образования и диплома. Они были открыты для всех. Была, однако, одна проблема; курсы, будучи частным заведением, не обеспечивали разрешением на проживание, и новички вынуждены были решать этот вопрос обходными путями, что, в конце концов, им удавалось, и число еврейских студентов в Дерпте значительно выросло. Некоторые из них стали членами общества.

Перед Первой мировой войной (1914-1915 гг.) в Дерпте еще больше возросло число молодых евреев. Мне трудно сказать, кто они были и откуда приехали. Они могли быть студентами из Германии и Австрии, которых исключили как русских подданных в начале войны. Или они могли быть просто молодыми евреями из разных городов и городков, которые воспользовались новым законом, гласившим: во время войны русские власти считают уместным облегчить давление на еврейское население, особенно в вопросах образования. Они установили порядок, по которому каждый молодой человек, чей кормилец был призван на войну, мог поступить в любое учебное заведение без ограничений. Многие жаждущие учиться

соответствовали этому критерию, и те из них, кто хотел поступить в университет, были приняты свыше квоты для студентов-евреев.⁴

Большинство новых студентов стали членами «Академического общества», заменив многих ветеранов и лидеров, призванных в армию чаще всего в качестве медиков и уехавших из Дерпта. Эта смена в членстве во многом изменила сущность общества. Тихий умеренный академический дух уступил место беспокойным, шумным ветрам. Гораздо более частые теперь лекции не касались научных тем, а были политическими, особенно по вопросам: как можно спасти народ и какие меры следует предпринять. В те годы сионизм уже раскололся на различные течения, и дискуссии характеризовались политической остротой.

К разногласиям по сути добавились различия по способам их выражения. До этого времени принятым языком лекций был русский, даже для повседневных разговоров. Это был признак интеллигентности. И вот, поднимая голову и заявляя о своей актуальности и праве на существование, появляется идиш. Вместо обычного русского выражения «Прошу слова!» неожиданно из «западного угла» одинокий, но смелый голос произнес то же на идиш «איך בעט דאס ווארט!». Сначала люди отнеслись к этому с юмором, но идишист ничего не боялся и настаивал ясным голосом и открыто на своем праве говорить на своем языке. Потом к этому присоединились другие, и так небольшое число студентов общества стали сторонниками или борцами за использование идиш. Их противниками были «гебраисты» (те, кто предпочитал иврит, но говорили на русском языке), которые отстаивали свою позицию. Были созданы несколько секций: одна – по истории, другая – в поддержку иврита и третья – для предпочитающих идиш. Но многие не хотели присоединяться ни к одной из этих секций. В целом же надо признать, что, несмотря на различия, разрыва не произошло, и чувство единства не покинуло членов общества. Объединяющим их фактором было давление извне.

Великая революция в России (1917) расшатала основы старой жизни повсюду, включая студенческую жизнь в Дерпте. Университет разделили на две части: одна, руководимая русскими профессорами, покинула Дерпт и

---

⁴ Я также воспользовался этим законом и в 1915 г. был принят в Дерптский университет как студент-фармацевт.

основала русский университет в большом городе Воронеже; другая часть осталась и стала эстонским университетом. В результате многие русские студенты уехали, включая студентов-гебраистов. Отток студентов возрос еще больше после того, как Эстония отделилась от России и стала независимым государством. Студенты вернулись каждый в свою страну. Исчезли источники, ассигновавшие учебу студентов в Дерптском университете, и с этого времени в нем учились только эстонцы и небольшое число студентов из соседней Латвии.

К.

Интересное наблюдение: число студентов сократилось, а количество корпораций росло, т.к. не было ограничений на их создание. Эстонцы бросились в игру, как будто открыли великое сокровище, евреи тоже не удержались от соблазна. Были основаны две еврейские корпорации, которые я назову как Корп. А и Корп. Б. У первой не было идеологической основы⁵. Ее единственной целью была игра как таковая, без политического содержания и планов. Вторая⁶ имела некое сионистское направление. Итак,

в маленьком Дерпте вместо двух появились три группы студентов.

Их жизнь проходила в атмосфере сдержанной враждебности, или, как теперь говорят, «холодной войны». Для этого были две причины: идеологическая и практическая. Старшин «Академического общества», считавших

корпорации вредным и вызывающим сожаление феноменом, раздражали студенты-евреи с их постыдными и вольными манерами. «Еврею не свойственно пьянство и дикое поведение», - говорили они, - «так же, как не к лицу образованному человеку заниматься такими детскими играми, как ношение цветных лент, игра со шпагами и т.д.». Особенно их раздражала Корп. Б. «Одно дело», - говорили они, - «эти пустоголовые ребята из Корп. А,

⁵ Limuvia [M.R.]

⁶ Hasmonea [M.R.]

корпоранты по натуре, просто делают теперь открыто то, что раньше скрывали за закрытыми дверями. Но они хотя бы не притворяются идеологами и не называют себя пионерами и борцами за дело нации. Но вы, кто поднимает знамя сионизма и считает себя играющими важную национальную роль, как можете вы вредить этой святой цели своим «поклонением идолам», которое идет против еврейского духа? Гордость иудаизма в его культуре, и его оружие – печатное слово – книга. Когда вы подражаете немецким студентам, ваша национальность не что иное, как пустая болтовня».

Ответ Корп.Б на это был: «Дни, когда можно было питаться только духовностью, остались в прошлом. В эти дни человек хочет наслаждаться жизнью, как любой его возраста. Если мы предложим ему только духовность, он уйдет от нас. Чтобы привлечь души на благородное дело,

надо сочетать приятное с полезным. Игры – это просто средство воспитания молодых в национальном духе, защиты их от неудач и привлечения их к делу нашего народа и его целям. А что касается звона шпаг – это не пустое дело в наше время и в нашем возрасте. Настало время научить детей израилевых «вытаскивать стрелу из колчана». Может быть эти знания понадобятся им в процессе устройства в Израиле. Помните, как сыны Нехемии и их помощники восстанавливали Иерусалим: «одна рука работает, в то время как другая держит кинжал».

Будущее подтвердило их правоту, и их обещание оказалось совсем не «пустой болтовней»: значительное число членов Корп. Б иммигрировало в Израиль.

L.

Вторым фактором – практическим – порождавшим постоянную конкуренцию и зависть между группами – была нехватка членов. Люди больше не приезжали сюда из-за пределов страны, а местных молодых

людей было не достаточно, чтобы наполнить три группы. Это грозило самому существованию группы, т.к., согласно правилам, для продолжения функционирования группа нуждалась в достижении минимальной квоты членов. И если в группе было хотя бы на один член меньше квоты, она должна была быть распущена. Не удивительно, что велась тайная война за каждого возможного нового кандидата. Человек едва успевал окончить среднюю школу, как он становился объектом соблазнов, каждая группа пыталась затащить его к себе.

«Академическое общество» пострадало больше других. Число его членов резко сократилось. В конце концов оно не сумело удержаться на своей нейтральной аполитичной позиции и качнулось влево. Произошло естественное разделение: пустоголовые присоединились к Корп. А, националисты – к Корп. Б. Для тех же, кто не попадал под эти две категории, нейтральное «Академическое общество» казалось приемлемым. Постепенно образовалось большинство левого крыла, что оказало существенное влияние на общество. Руководители общества делали вид, что не замечают этого, и оставались преданными ему в память о былых днях.

Последние годы общества были плохими и скучными. Не было ни научной солидности и умеренности первых лет, ни энергии и пылкого характера 1915-17 гг. Только один раз сквозь его серое существование мелькнул луч света и влил свежую жизнь в старое тело. Это случилось в его 40-ю годовщину (1924 г.). Было устроено необычайное празднество. Пригласили многих заслуженных корпорантов, и большинство из них приехало. Но самым главным гостем был д-р Коэн Бернштейн, один из основателей общества, который теперь жил в Израиле и специально приехал на празднование. Торжества длились три дня. На повестке дня были серьезные злободневные вопросы, обсуждению которых были посвящены несколько заседаний, и было принято несколько решений. Одно из них касалось судьбы богатой библиотеки общества, фонды которой в случае закрытия общества должны были быть пожертвованы национальной библиотеке Иерусалима. Эта годовщина была проведена благодаря труду и усилиям члена общества Якова Паенсона, который в то время руководил им.

С того времени в жизни «Академического общества» не было выдающихся дней. В 1934 г. оно отметило 50-летний юбилей. Устроили бал и

пригласили гостей из Дерпта и окрестностей. Но на этот раз в воздухе не чувствовалось духовного подъема и волнения 1924 г., и бал производил впечатление не годовщины живого организма, а казался больше празднованием его былой славы.

Несмотря на это, пульс жизни общества, хоть и слабый, не переставал биться до начала Второй мировой войны, которая уничтожила все.